

А. И. Розов

Стремление к превосходству как одно из основных влечений

Источник: Психологический журнал. 1993. Том 14, № 6. С. 133–141.

Публикуемая статья «Стремление к превосходству как одно из основных влечений человека» — одна из последних работ (1988 г.) недавно умершего известного ученого, внесшего заметный вклад в развитие отечественной психологии — Исаака Моисеевича Розета.

И. М. Розет (А. И. Розов) родился в 1927 г. в г. Диене (Белоруссия) в семье врача. В 1951 году окончил отделение логики, психологии и русского языка Белгосуниверситета, затем преподавал эти предметы в школах Минска. К этому периоду относится одна из первых его публикаций о внимании («Вопросы психологии», 1956, № 6), которое он предлагает рассматривать как постоянное «ощущение» среды с целью выявления в ней объектов, жизненно важных для индивида. В этой работе И. М. Розет выдвигает ряд оригинальных идей, обогативших теоретические представления о внимании. В 1963 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Процесс припоминания и его место в явлениях памяти» в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР. В дальнейшем научная судьба И. М. Розета связана с научно-исследовательским институтом педагогики Белоруссии.

И. М. Розет отличался широтой и разнообразием научных интересов, стремлением к углубленному теоретическому осмыслению изучаемых вопросов, умением находить новые аспекты в, казалось бы, хорошо исследованных проблемах и давать им оригинальную трактовку.

Широко известны его монографии «Память» (1970) и «Что надо знать о памяти» (1968, 1982). Оригинальная концепция фантазии изложена в объемной монографии «Психология фантазии» (1977, 1991), которая была переведена на английский, испанский и польский языки. Свои взгляды на творческую деятельность И. М. Розет изложил в популярной форме в книге «Что такое эвристика» (1969, 1988) и других публикациях.

Кроме того, И. М. Розет — автор еще 110 публикаций в центральных журналах и сборниках, ряд из них переведены на английский и другие языки и представлены в американском реферативном журнале «Psychological abstracts»; журнал «Вопросы психологии» регулярно помещал на своих страницах яркие, чрезвычайно разнообразные по тематике его статьи.

В течение многих лет И. М. Розет работал в Белорусском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. Он проводил исследования в области прикладной психологии, разрабатывал практические мероприятия по оптимизации условий труда, в частности диспетчеров энергосистемы, работников связи, электронной промышленности, медицинской техники, работы врача перфузиолога с аппаратом искусственного дыхания. Особое внимание И. М. Розет уделял выявлению специфики класса эргономических задач в проектировании и разработке специфических методик эргономического исследования.

Для тех, кто лично знал Исаака Моисеевича, он останется в памяти как человек большого ума и личного обаяния. Светлая память об этом талантливом ученом сохранится, его имя займет почетное место в отечественной и мировой психологической науке. [133]

Необходимость перестройки психологии признают ныне и те ее представители, которые хотят уйти от острых проблем общественной жизни (оставляя их на откуп журналистам и теле- радиокорментаторам), и те, кому невдомек, с чего ее начинать. И хотя в перестройке нуждаются многие разделы нашей науки, думается, что наиболее отсталым ее участком является психология мотивации. Действительно, может ли она объяснить широко отражаемые в центральной и местной прессе чудовищные факты преступного поведения лиц, занимавших в государстве высокие посты, живучесть коррупции на разных ступенях должностной иерархии, усиление стяжательских и оживление националистических тенденций? Если внимательно присмотреться к средствам, имеющимся в арсенале академической психологии, то есть основание утверждать, что она не способна дать ответ на поставленные вопросы.

Объяснения перечисленных и многих других негативных явлений сводятся к указаниям на нехватку определенных личностных качеств (безыдейность и бездуховность, неразвитость чувств долга, чести, ответственности, а также неусвоенность норм разумного потребления) или на наличие особых внешних обстоятельств (педагогические упущения, организационные недосмотры и вседозволенность, произрастающие на почве бесконтрольности и безотчетности). Спору нет, подобные факторы играют немаловажную роль в возникновении различных форм антиобщественного поведения, но они отнюдь не объясняют конкретного содержания и характера проступков. Ведь отсутствие важных личностных качеств и наличие способствующих внешних обстоятельств — это только условия, которые сами по себе с логической необходимостью еще не приводят к совершению преступных действий, — для этого требуется направляющая побудительная сила, говоря иначе, действующая внутренняя причина — *causa efficiens*¹.

Едва ли есть необходимость доказывать, что искомая побудительная сила не может быть неким подобием дьявольской силы, которой природа наделяет неудобных ей людей. Логичнее предположить, что такая сила представляет собой общечеловеческое влечение, приобретающее в конкретном жизненном контексте и неблагоприятное направление. На наш взгляд, таким влечением является *стремление к превосходству*, которое следует признать фундаментальной мотивационной силой, определяющей разнообразные поведенческие эффекты. В настоящей статье мы попытаемся показать, что признание указанного влечения дает возможность адекватно объяснить многие факты, не поддающиеся рациональной интерпретации.

Биологические предпосылки стремления к превосходству раскрыл еще Дарвин [134] в учении о половом отборе, согласно которому больший шанс оставить потомство имеют особи, более привлекательные (ярче оперение, звучнее голос), чем их соперники. Продуктивная идея этого учения состоит в утверждении, что в процессе эволюции действует тенденция, благодаря которой живые организмы

¹ В другой связи З. Фрейд, обосновывая неправомерность объяснения феноменов психопатологии обыденной жизни (описок, очиток, оговорок, забывания, ошибочных действий) ссылками на внешние условия (утомление, отвлечение внимания, несобранность и др.), остроумно применил следующее метафорическое сравнение: человек, пострадавший от грабителей, воспользовавшихся неосвещенностью улицы, заявляет в полицейском участке, что его ограбила темнота...

приобретают качества и свойства, не только представляющие прямую утилитарную ценность и служащие непосредственно борьбе за существование, а «бесплезные» и в некотором смысле даже вредные (скажем, яркое оперение, обеспечивающее большую сексуальную привлекательность, явно противоречит требованию мимикрии). Следовательно, уже на более ранних стадиях эволюции господствуют такие мотивы поведения, которые нельзя полностью свести к стремлениям удовлетворить потребности, связанные с обеспечением индивидуального и даже видового выживания; они выражают тенденции особого порядка — иметь перевес (преимущества) перед особями своего вида.

Широко распространенная односторонняя трактовка теории Дарвина с акцентом на выживание более приспособленных к условиям существования заслонила не менее существенную тенденцию — стремление к превосходству, привнесенное в человеческую природу не какими-то неблагоприятными социальными факторами, а имеющую глубокие биологические корни.

В создававшихся веками художественных произведениях многих народов получили отражение различные аспекты стремления к превосходству — властолюбие, карьеризм, тщеславие, зазнайство, высокомерие, фанфаронство² и т. п. В психологической литературе впервые наиболее широко рассмотрел стремление к превосходству Альфред Адлер, примыкавший некоторое время к психоаналитическому направлению, однако впоследствии порвавший с Фрейдом и образовавший собственную школу — так называемую индивидуальную психологию. Адлер прямо утверждает: «Мы сможем лучше всего понять всевозможные душевные движения, если мы признаем в качестве всеобщей предпосылки, что они подчиняются одной цели — достижению превосходства» [4, с. 5 и далее]. Последнее же можно усмотреть в желании творца и работника оказаться первым в своем деле, в деспотизме главы семьи, в возвеличивании своих свершений и даже своих страданий, в экстазе, в претензиях детей на первенство.

С полным основанием Адлер увязывает стремление к превосходству с такими формами поведения, как разрушение идолов, ограничений и норм, а также с такими личностными чертами, как, с одной стороны, властолюбие, напористость, дух противоречия, заносчивость, а, с другой — покорность, послушание, завистливость, злорадство, скромность. Он целенаправленно показывает, к каким социальным последствиям могут привести указанные тенденции и возникающие на их основе личностные особенности человека — к конфликтам, враждебности и отчуждению, а в крайних случаях — к нервному срыву и душевным заболеваниям, при которых стремление к превосходству переходит в манию величия.

И все же необходимо хотя бы вкратце остановиться на тех его утверждениях, которые представляются нам неприемлемыми. Адлер трактует рассматриваемое стремление в качестве специфической человеческой цели. Но если придерживаться взгляда Дарвина, оно восходит к более глубинным движущим побуждениям и представляет собой по существу исходное влечение, а не желание компенсировать чувство неполноценности (впервые также сформулированное Адлером) малоценности (многие факты свидетельствуют о том, что последнее, наоборот, возникает как *следствие* невозможности реализовать стремление к превосходству). Прида-

² Насколько такое влечение оказывается сильнее других мотивов, отлично показал Чехов в рассказе «Три года», один из персонажей которого заявляет, что отнюдь не нажива руководит торгашом. «Он всю жизнь сидит у дела и любит его потому только, что может начальствовать над приказчиком, издеваться над покупателями. Он старостой в церкви потому, что там можно начальствовать над певчими и гнуть их в дугу; он попечитель школы потому, что ему нравится созавать, что учитель — его подчиненный».

вая большое значение описанному им мотиву, Адлер склонен его абсолютизировать и свести к нему столь же существенные в психоанализе [135] два других влечения — эрос (влечение к жизни) и танатос (деструктивные тенденции). Так, обычную половую страсть Адлер изображает как стремление подавить волю своего партнера и одержать верх над ним, а в суицидных желаниях он усматривает намерение «преодолеть всяческие препятствия». На необоснованность сведения разных влечений к одному в свое время обратил внимание еще Фрейд.

Понятие «стремление к превосходству» никак нельзя считать общепризнанным — не только на том основании, что оно отсутствует в ряде солидных справочных пособий по психологии, например, в объемистых энциклопедических психологических словарях [8, 7]. Даже в тех руководствах, где это понятие нашло место, его первоначальный смысл, со ссылками на основателя «индивидуальной психологии», значительно трансформировался. Так в одном из словарей стремление к превосходству определяется как «внутреннее верховное влечение к самореализации»; при этом уточняется, что речь идет «скорее о завершенности и совершенствовании, нежели о превосходстве в смысле социального статуса или доминирования над другими» [6, с. 7–16]. В другом — говорится про «внутреннюю тенденцию индивидуума в полную меру развить свои способности и стремиться к совершенству» [5, с. 169]. В подобных «приглаженных» трактовках выхолащивается вся конкретная и содержательная сущность очень четко сформулированного Адлером понятия важного влечения.

Попытаемся осветить те аспекты рассматриваемой проблемы, которые, по нашему мнению, могут дать дополнительную информацию и обосновать важность ее дальнейшей теоретической и практической разработки. В первую очередь следует отметить такую специфическую особенность изучаемого влечения: человек, как правило, стремится добиться превосходства над «себе подобными», над людьми в своей привычной среде. Выход за допустимые пределы носит патологический характер и приводит в одних случаях к комическим последствиям (описанное Ильфом и Петровым соперничество Элочки-«людоедки» с американской миллионершей), а в других — даже к трагическим (в аллегорической форме — попытка крыловской лягушки превзойти по размерам вола).

Начнем с проявления указанного влечения в детском возрасте. Что составляет содержание бесед маленьких детей? Главным образом, это бесхитрое хвастовство, которое так точно показал Сергей Михалков в одном из своих стихотворений. Каждый из ребят чем-то похвастается, а один с гордостью сообщает, что его мама отправляется в полет, потому что «моя мама называется — пилот». Психологически правильно и тонко поэт передает реакции других детей на его, казалось бы, безобидное высказывание (мама летчик — что же такого?, а кто лечит детей, варит компоты?). Дети, как видим, очень неохотно допускают превосходство своих сверстников в чем-либо.

Общепризнано, что для детей наиболее характерной является игровая форма поведения. Когда один ребенок играет с другим, он всегда стремится выиграть. Стоит непредвзято понаблюдать за их игрой, чтобы заметить такое парадоксальный факт: львиная доля игрового времени уходит не на собственно игру (развитие мышц, реализацию потенциальных возможностей, приобщение к социальным нормам и т. д., как утверждают распространенные психологические и непсихологические теории игры), а на споры по поводу того, кого «по справедливости» считать победителем, «законности» забитого гола или присужденных очков. И не случайно дети уклоняются от игр, в которых не добиваются успехов, то есть не дающих основания для чувства превосходства. Такой мотив остается в силе и при

коллективных играх — с той лишь разницей, что субъектом, стремящимся к превосходству, становится команда, группа.

Попутно отметим, что и в жизни взрослых главной целью игры является достижение превосходства, о чем наглядно свидетельствует наличие целой армии болельщиков, которые не участвуют в игре, а многие из них даже не осознают до конца ее смысла.

Как уже отмечалось, стремление к превосходству может реализоваться самым различным образом в зависимости от внешних и внутренних условий: социально-[\[136\]](#)го уклада, жизненных обстоятельств, склонностей, способностей. Чувство превосходства над другими прежде всего обеспечивается наличием всевозможных привилегий, и этим, в частности, мотивировано желание продвигаться вперед по служебной лестнице и достигать на ней все более высокого положения. Существуют специальные общественные институты, как бы материализующие последовательность реализации стремления к превосходству в разных сферах человеческой деятельности: таблицы о чиновничьих рангах, научные степени и звания, военные чины, спортивные категории и т. д.³

Чувство превосходства также может быть продиктовано материальным благосостоянием, превышающим таковое у родных и знакомых. В политической жизни мы постоянно наблюдаем обеспокоенность ее деятелей завоеванием себе как можно большего авторитета, отодвигая при этом на задний план своих противников.

Стремление к превосходству наблюдается и в повседневном быту: приобретение редкостных, доступных лишь немногим вещей (часто не только не удовлетворяющих эстетических и других духовных потребностей, но и совершенно ненужных экзотических нарядов, украшений, последних моделей автомашин и пр.). У молодых людей, совершенно здоровых и никогда не обращавшихся за врачебной помощью к дантисту, можно увидеть полный рот золотых зубов, золотые печатки с драгоценными камнями на руках, дорогостоящие браслеты. В этой связи вспоминается один из монологов Райкина, в котором преуспевающий «герой» ратует за сохранение дефицита, благодаря чему так легко почувствовать свое превосходство над теми, кому закрыта дорога в распределители благ.

В каждом конкретном случае индивид (группа), как правило, выбирает наиболее соответствующий реальности критерий обоснования собственного превосходства: им могут служить физические достоинства человека или его обширная эрудиция, солидное положение в обществе или доскональная осведомленность в политических и интимных сферах, деловитость или умение острить, благополучная семейная жизнь или авантурные похождения, многочисленность научных публикаций или успехи у женщин, благосостояние населения в государстве или образцовый общественный порядок в нем, древняя культура народа или достижения его представителей в современных науках.

Разумеется, превосходство, в котором убеждены отдельные люди или даже целые популяции, бывает иногда мнимым и расценивается со стороны как пустое бахвальство; однако хвастовство и фанфаронство также очень наглядно свидетельствуют о стремлении к превосходству, отсутствие которого приходится компенсировать иллюзорным самообманом.

Занимаясь проблемой комического [\[3\]](#), становится ясно, что осмеяние связано с переживанием чувства превосходства. И этим объясняется ситуация, когда та или иная группа (школьный класс, производственная бригада, односельчане) вы-

³ Касаясь здесь и далее отдельных социальных феноменов, мы ограничиваемся только выявлением в них участия изучаемого влечения, прекрасно сознавая роль множества других факторов.

бирает себе «мишень» для постоянных насмешек (неуклюжих, нерадивых, неудачников, а то и просто беззащитных людей) — и этим удовлетворяет свое стремление к превосходству. А нередко такой цели служит оскорбительное отношение к людям, наделенным, по мнению других, компрометирующими чертами — такими, как физические дефекты, иное расовое, национальное и классовое происхождение, внебрачные сожителство и рождение, непривычный для «компактного большинства» способ решения жизненных проблем. Унижая людей, оскорбляющие пытаются тем самым возвысить себя в своих и чужих глазах. Для реализации стремления к превосходству изыскиваются и более изощренные — прямо противоположные — средства; скажем, за благотворительностью и филантропией может скрываться все тот же мотив — сознание своего материального превосходства над всеми облагодетельствованными горемычными и несчастными. [137]

В романе Гюго «93-й год» есть такой эпизод: крестьянин, доведенный до крайней нищеты, принял незнакомца, по виду аристократа (им был жестокий руководитель Вандеи); нищему, по его собственному признанию, было приятно думать, что на свете есть еще более обездоленные, чем он, лишенные даже крова над головой. Настойчиво подчеркиваем, что мы ничуть не сомневаемся в реальности подлинного человеколюбия. И вполне возможно, что правонарушители также испытывают чувство превосходства над «добропорядочным обывателем», который, как им кажется, трусливо дорожит своей шкурой, соблюдая законы и нормы общежития.

Стремление к превосходству прослеживается и в незначительных житейских делах: желание обойти кого-то в очереди, перехватить лучший товар в магазине, завладеть чем-то в большем количестве и высшего качества, «перебежать» дорогу⁴.

Мотив превосходства выражен в желании властвовать, доминировать над другими людьми (об этом ранее Адлера говорил Ницше) на различных уровнях социального бытия: в семье, трудовом коллективе, при досужем времяпрепровождении и еще сильнее — в государственных и международных делах. Человек, одержимый такой страстью, не командует где только можно, он пытается постоянно поучать, наставлять, подчинять окружающих своим капризам, навязывать свое мнение и нормы. Особенно этим злоупотребляют люди, бывшие в прошлом не у дел, но случайно дорвавшиеся до положения, дающего им возможность безраздельно властвовать в деспотической манере (Фома Фомич Опискин в романе «Село Степанчиково...» Ф. М. Достоевского).

Понятно, что конкретные реальные условия жизни способны приглушить или отодвинуть на задний план стремление к превосходству («не до жиру — быть бы живу»), которое тем не менее настойчиво о себе заявляет даже и в весьма неблагоприятных для этого экстремальных ситуациях. Иллюстрацией может служить одна из финальных сцен романа Фейхтвангера «Лженерон»: находясь в заточении, поверженные узурпаторы, бывшие соратники и друзья, в ожидании своей позорной и жестокой участи — всенародного и повсеместного осмеяния с последующей мучительной казнью — размышляют и разглагольствуют о своих преимуществах друг перед другом.

Оборотной стороной стремления к превосходству является зависть, возникающая по отношению к тем, кто добивается явных преимуществ. Зависть сама

⁴ Впрочем, подобные невинные, на первый взгляд, действия имеют иногда весьма печальные последствия, когда, например, водители автомобилей или капитаны кораблей, побуждаемые чувством превосходства, не уступают друг другу дорогу.

становится всепоглощающим мотивом, способным толкнуть на самые бесчеловечные и безрассудные деяния (пример — созданный Пушкиным образ Сальери). С не меньшей художественной силой переживания, вызванные завистью, изображены в «Капитанской дочке» (отец главного героя, уже давно ушедший в отставку и уединившийся в своем имении, не мог без острого волнения читать придворный календарь, в котором печатались сообщения о производстве в высшие чины его бывших сослуживцев).

Разнообразные отрицательные последствия стремления к превосходству, однако, могут найти выражение в высоко оцениваемых мотивах поведения — таких, как усвоение больших знаний по сравнению с другими, желание овладеть новыми профессиями, умениями, языками, развивать до высокой степени совершенства свое тело, умственные способности, создавать образцы в науке и искусстве, превосходить своих коллег в мастерстве и производительности труда. Любое соревнование предполагает возможность кого-то «перегнать в каком-либо деле» (толковый словарь Даля), «превзойти» (словарь под ред. Ушакова); другое дело, что результаты его необязательно являются губительными для тех, кого обогнали и превзошли. Всем знакомо мудрое изречение Суворова — «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», а другой выдающийся наш соотечественник — гениальный математик Николай Лобачевский — задолго до Адлера [138] высказался так: «Кажется, природа, одарив столь щедро человека при его рождении, еще не удовольствовалась. Вдохнула в каждого желание превосходить других, быть известным, быть предметом удивления, прославиться и таким образом возложила на самого человека попечение о своем усовершенствовании. Ум в непрерывной деятельности силится стяжать почести, возвыситься — и все человеческое племя идет от совершенства к совершенству»⁵.

Итак, многочисленные факты говорят о реальности и повсеместности стремления к превосходству, которое проявляется в различных формах. Это влечение, несомненно, выступает стимулирующим фактором, пробуждающим энергию; оно активизирует личность и наделяет ее настойчивостью и упорством в преодолении трудностей. Вместе с тем стремление к превосходству служит благодатной почвой для развития ряда предосудительных мотивов, порождающих, в свою очередь, соответствующие отрицательные свойства личности (последние приводятся в скобках): карьеризм (подлость, угодничество, беспринципность), честолюбие (эгоизм, самонадеянность, высокомерие), властолюбие (коварство, невосприимчивость к критике, чувство вседозволенности, неразборчивость в средствах, подозрительность, деспотизм, жестокость), стяжательство (неумеренность в потреблении, скупость, жадность, мелочность, недоверчивость), самовозвышение (индивидуальное и групповое чванство, бахвальство, самообман и самообольщение, чрезмерная неадекватная завышенная оценка всего своего и столь же несправедливое обесценивание всего чужого, склонность к показухе)⁶. Общим следствием всех названных мотивов является деградация и духовное обнищание личности. А зависть, принимающая массовый масштаб, приводит к травле возвышающихся над «дозволенным» уровнем одаренных людей («чем ты лучше нас?») и в конечном итоге превращается в тормоз общественного прогресса.

⁵ «В защиту „пробивного“ человека». «Лит. газета». 1976. 22 сентября.

⁶ Считаем необходимым оговориться, что приводимая здесь классификация мотивов, ведущих к предполагаемому влечению (стремлению к превосходству), представляет собой только первое приближение и еще нуждается в основательной аналитической и теоретической проработке. Что же касается указанных в скобках свойств личности, то они вовсе не привязаны однозначно к тем или иным мотивам, которые к тому же не являются взаимоисключающими.

Давно подвергаясь всевозможным неблагоприятным последствиям стремления к превосходству, человечество пробовало оградить себя от этой «демонической страсти». Важное место здесь занимали вероучения, которые проповедовали отказ от гордыни и смирение. Уже древнегреческие философы советовали своим согражданам быть умеренными. Дальше всех пошел Диоген, считавший разумным свести все потребности к предельному минимуму (как известно, жилищем ему служила бочка, а чашу для питья воды ему заменяла собственная горсть). Другой древнегреческий мудрец — Тимон Афинский — был глубоко убежден, что полное счастье можно обрести, только отстранив себя от людского общества (действительно в случае одиночества проблема превосходства отпадает автоматически: не над кем его добиваться). Крайнюю позицию по отношению к стремлению к превосходству занимали социальные утопии (Кампанеллы, Томаса Мора и др.), требовавшие абсолютной уравниловки и не допускавшие не только роскоши и избытка чего-либо, но даже незамысловатых украшений, элементарного комфорта и уюта. В этих утопиях также не одобрялось проявление выдающихся умственных и других способностей. На протяжении веков власть предержавшие и правящие классы, достигнув неоспоримого превосходства, проявляли благоразумную заботу о приемлемой компенсации этого стремления у остального населения — разумеется, иллюзорной. В античном мире бедным людям предоставлялись некоторые свободы, дававшие им возможность почувствовать свое превосходство над совершенно бесправными рабами, а плебс в древнем Риме тешился сознанием, что ему не грозит судьба осужденных на страдания гладиаторов.

В ряде сфер человеческой активности общество вполне одобряет стремление к превосходству: во все времена поощряются спортивные игры, в средние века праздниками были рыцарские турниры, состязания поэтов и певцов, в [139] настоящее время широко проводятся соревновательные конкурсы, выборы «мисс красоты» и т. д.

Своеобразным компромиссом двух разнонаправленных тенденций — стремления к превосходству и намерения его ограничить — стал институт моды (в самом широком смысле этого слова). Действительно, возможность достижения предписываемых модой эталонов, общепризнанных в конкретной популяции, вселяет уверенность в своих возможностях («Мы не хуже других»); в то же время мода обозначает те пределы, за которые выходить порядочному человеку не пристало. Да и все «нормальные» люди, начиная с детства, во избежание фрустрации постоянно соизмеряют свои действительные способности с притязаниями, опираясь на получаемые со стороны реальности «обратные» сигналы в виде оценок — и примиряются (сознательно или не вполне осознанно, раньше или позже) с тем или иным их уровнем. Важно здесь однако подчеркнуть, что так называемый уровень притязаний, который иногда трактуется как исходная характеристика личности, в действительности является вторичным образованием, в основе которого лежит *согласование* стремления к превосходству с реальными возможностями человека. Подобную сдерживающую роль призвана выполнять скромность — как свойство личности и особая эмоция.

Таким образом, реальность предполагаемого влечения — стремления к превосходству — подтверждают не только факты, в которых можно увидеть его прямые и опосредствованные последствия, но и разнообразные меры, предпринимаемые обществом в целом и отдельными индивидуумами для его разумного «обуздания».

Адлер подчеркивал, что понятие «стремление к превосходству» интуитивно улавливалось многими выдающимися умами, которые — добавим мы — включа-

ли его в более обширные категории, вследствие чего полностью не выявлялась его сущностная психологическая направленность. Некоторые проявления силы этого стремления, несомненно, подразумевались в «аффектах» Спинозы; их, вероятно, имел в виду и Гегель, когда в своей «Философии истории» говорил об «игре страстей» и последствиях «неблагоразумия, примешивающегося... к благим намерениям, к правильным целям» [1, с. 20].

В современной зарубежной психологии явно обозначилась тенденция придавать стремлению к превосходству более «благовидный» смысл и называть его терминами «самореализация», «самоактуализация», «стремление к совершенствованию» и др. Трудно, однако, допустить, что данная природная движущая сила — а мы именно так трактуем стремление к превосходству — побуждается высокими этическими идеалами. Далее, при таком сужении понятия, в которое укладываются только позитивные явления, становится невозможным подняться на более высокий уровень теоретического обобщения и увязать в единое целое разнородные, на первый взгляд, факты (как это удастся сделать с позиции изначального понимания стремления к превосходству). И, наконец, выделение особой категории исходных «положительных» мотивов с логической необходимостью требует признания и класса «отрицательных» мотивов для объяснения столь же реальных и многочисленных негативных явлений. А такой дуализм — разграничение глухой стеной положительных и отрицательных мотивов вместо того, чтобы ориентировать практиков на правильное *направление* внутренней энергии (которая может быть реализована принципиально различным образом), будет скорее наводить на аналогичную классификацию индивидуумов — с преобладанием положительных или отрицательных мотивов.

Примечательно, что даже в тех случаях, когда факты вплотную подводят к мысли о стремлении к превосходству, авторы стыдливо стараются завуалировать его концептуально и вербально. Так, польский философ В. Татаркевич, анализируя факторы счастья, справедливо относит к ним обладание предметами, которых у других нет и быть не может, резкий контраст между собственным благоденствием и бедственным положением других и просто всяческие большие и малые чужие неудачи. Эти феномены Татаркевич истолковывает не как [140] следствие стремления к превосходству (что, по нашему мнению, вполне логично); он прибегает к так называемому принципу сравнительности, ссылаясь при этом на авторитеты Монтеня, Монтескье и Гете [9, с. 187, 224, 228, 230, 234, 410].

Хотя классический психоанализ не включил в свою понятийную систему «стремление к превосходству» в качестве влечения, равнопорядкового двум основным, он не мог пройти мимо некоторых его аспектов. Так, в широко используемых фрейдистами понятиях «нарциссизм» и «кастрационный комплекс» отражены психические реалии, сопоставимые с рассмотренными выше эффектами стремления к превосходству; соответственно — самолюбование, самодовольство, самообольщение, а также боязнь оказаться в положении, дающем другим непрекаемое превосходство за счет своей ущербности.

Мы привели некоторые фактические основания и дискурсивные соображения в пользу реальности особого фундаментального влечения — стремления к превосходству. В ряде случаев, когда исследователи имеют с ним дело, они избегают называть его собственным именем. Однако игнорировать столь могучее влечение — значит не просто закрыть путь к пониманию огромного количества существенных явлений, а — что важнее — пренебречь сферой психической деятельности, которая во многом определяет поведение и характер людей, их взаимоотношения. В настоящее время общепризнано, что уже само осознание влечения, пе-

ревод его из области бессознательного на уровень сознания, делает его более управляемым и позволяет подчинить волевому контролю. Еще раз подчеркнем, что речь идет вовсе не о подавлении этого влечения и даже не о его укрощении, а о разумном направлении. Ведь даются же спортсменам напутствия: «Выше всех, дальше всех, быстрее всех», «побить все рекорды» и т. п. В таком же духе ориентируются и деятели науки и искусства, отстаиваются приоритеты в изобретательстве. Великий Бетховен говорил про «превосходство доброты». И разве исторической тенденцией развития всего человечества не является достижение превосходства над своим прошлым: дикостью и варварством, невежеством и предрассудками, страхом, рабской зависимостью от внешнего деспотизма и внутренних недостойных наклонностей?

В свете вышесказанного, педагогической науке, психологии и педагогике предстоит большая и трудная работа по решению вопросов, связанных с рациональной утилизацией энергии фундаментального влечения — стремления к превосходству. Для этого в первую очередь потребуется сделать следующий шаг по пути преодоления инфантилизма и ханжества с учетом того, что первый — по отношению к половому влечению — уже, кажется, сделан. Что касается так называемого второго влечения в психоанализе, то его робко начинают признавать вынужденные к этому самой жизнью исследователи опасных профессий (см., например [2]). Будем надеяться, что и «третье влечение» займет заслуживающее место в психологических и педагогических изысканиях.

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения, Т. VIII. М.—Л., 1935.
2. Пушкин В. Н., Нерсеян Л. С. Психология водителя. М. 1969.
3. Розов А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии, 1979. № 2. С. 117–125.
4. Adler A. Praxis und Theorie der Individualpsychologie. München und Wiesbaden. 1920.
5. Harre D., Lamb R. (eds.). The Dictionary of physiological and clinical psychology. Oxford, 1986.
6. Longman dictionary of psychology. N. Y., L. 1984.
7. Reber A. S. The Penguin dictionary of psychology. Harmondsworth. 1985.
8. Sillamy N. Dictionaire de psychologie. Paris. 1980.
9. Tatarkiewicz W. O szczesciu. Warszawa. 1970. [141]